

Сын Рима

За то время, которое потребовалось моему сердцу, чтобы ударить дважды, Скифас преодолел расстояние, на котором находились сотни горожан и низших культиваторов. Я следовал за ним настолько быстро, насколько был физически способен, но разница в нашей культивации была неоспорима. Прошло ещё два удара сердца, и я достиг устья переулка.

Скифас уже обогнул угол, проникая все глубже в неосвещённые недра города-святилища. Я сам погрузился в темноту, крики и причитания раненых и скорбящих горожан стихли до эха, отражающегося от решёток переулка.

Я следовал за звуками ярости Скифаса.

— Труссы! — кричал он. — Неверные сыновья! Гнилые, мусорные Ворóны!

Я услышал мощный удар, а затем удушающее ощущение охватило мои чувства. Руки в темноте коварно тянулись к рваным краям моего культового одеяния. Носить его правильно - это умение, напомнил мне воздушный голос Грифона. Я повернулся, ловко проскочил мимо цепких рук и подпрыгнул в воздух. Я зацепился за перила террасы на третьем этаже, выходящей на аллею, и взлетел вверх, перемахнув через конечности теневого намерения.

Безымянная техника, или может быть, просто убийственное намерение Ворóн, за которыми мы гнались, преследовали меня по переулку. Звуки жестокой борьбы доносились из-за угла, справа от меня. Я соскользнул по каменному фасаду другого здания и бросился навстречу конфликту.

В этот момент я чуть не умер.

Как только я завернул за угол, на меня набросился человек, от которого несло тенью. В его руке был грязный, ржавый нож. Звуки конфликта, за которыми я следовал, разом исчезли. Меня обманули, заманили в ловушку ложными звуками и его собственным мерзким намерением.

Нож - оружие убийцы, весь в красной ржавчине и с грязными, обломанными краями - щекотал кожу моего горла.

Гравитас.

Тяжесть команды прижала его к западной стене, прижав руку с ножом к камню. Это продлилось всего мгновение, подавляющий жар его Героического духа прожёт добродетель капитана за то время, которое потребовалось мне, чтобы упереть ноги и рвануться вперёд.

Я ударил кулаком в брюхо Ворóны. И с таким же успехом я мог ударить каменную стену позади него. Третья костяшка моей правой руки тошнотворно треснула о его живот, а он даже не вздрогнул. Нож снова появился. Я едва успел увернуться от него, прежде чем он успел забрать мой левый глаз. Я ударил коленом в его промежность и со всей силы ударил головой ему в лицо, и на этот раз мы оба отшатнулись. И всё же, ему удалось обхватить моё горло пятью пальцами как тисками.

Гравитас.

Напор команды полностью пробил каменную стену культиватором в маске, оторвав при этом его руку от моего горла. Изнутри донёлся женский крик, и, проскочив через новый вход в жилой дом, я увидел, как она спотыкалась к двери, пока Ворóна вытаскивал себя из-под обломков.

Я не дал ему шанса. Скорость Героического культиватора была слишком велика для меня, это было достаточно ясно. Единственный шанс, который у меня был, это дезориентировать и добить его.

Гравитас.

Добродетель капитана отбросила его в сторону через обломки, пробив ещё одну стену, в комнату, заполненную разноцветными нитками и лоскутами ткани, в центре которой стоял ткацкий станок. Ещё одна женщина, старше первой, забилась в самый дальний угол комнаты, явно борясь с желанием закричать.

Моя нога скучала по её легионскому сапогу, когда я ударил её в живот Ворóны. Серебряные нити боли пробежали по моей икре, но на этот раз культиватор захрипел от силы удара. Даже сейчас он был быстрее меня, извиваясь как змея, и бросая в меня свой ржавый клинок убийцы. К счастью, в моей руке уже был мой пиратский клинок. Я отбил брошенный нож...

И мой меч разлетелся вдребезги.

У меня не было времени любоваться невозможным взаимодействием. Нож сбился с курса, но теперь я был без оружия, а культиватор вставал на ноги. Поэтому я ответил на его бросок броском, злобно метнув пустую рукоять моего сломанного меча ему в лицо. Он вздрогнул, всего на мгновение, и я надавил на него с добродетелью капитана.

Гравитас.

Череп Ворóны ударился о мраморный пол с уродливым треском. К тому времени, как он пришёл в себя, одно мгновение и целая вечность, у меня в руках был ткацкий станок – поднятый над моей головой.

Хозяйка дома вздрогнула и прикрыла лицо, когда я разбил её ткацкий станок о лицо Ворóны.

Когда всё было сказано и сделано, мои руки превратились в кровавое месиво, а плечи болели под тяжестью стольких последовательных применений добродетели капитана. Я поднял потерявшего сознание культиватора и перекинул его через плечо. Подумав, я стянул с его головы полуночный капюшон. Я не узнал лица мужчины под ним, и не узнал бы, даже если бы оно не было так же разбито, как и мои руки. Но я всё равно запомнил его черты.

— Извинения за твой станок, — сказал я женщине, скрючившейся в углу. Она уставилась на меня. Очевидно, она тоже не говорила по Аликонски. Я вздохнул и покинул её дом так же, как и вошёл.

Я уже сильно отстал от Скифаса, а теперь тратил драгоценные минуты на борьбу. Ворóна, естественно, тоже не проявил любезности, быть лёгким в моих руках. Я переложил его в более удобное положение и помчался по противоположному переулку со всей возможной скоростью. Я следовал за новыми звуками конфликта, которые, как я мог только надеяться, на этот раз были настоящими. Крики, удары плоти о плоть, свист снарядов, рассекающих воздух.

Пневма Скифаса внезапно вспыхнула в узком коридоре, как световой маяк, и из темноты вылетел ещё один культиватор в капюшоне.

Я повернул талию, перекинул потерявшего сознание Ворóну через плечо и бросил его в культиватора в воздухе со всей силой, на которую был способен, наряду с добродетелью капитана. Ворóна вылетел у меня из рук, как камень из пращи, и со страшной силой ударил приближающегося культиватора. Моя цель была верна. И их обоих отбросило через открытую террасу в квартиру. Изнутри слышались панические крики и язвительные проклятия.

Скифас был следующим, он вылетел из тени и врезался спиной вперёд в каменную стену в нескольких футах от него. Дыхание вырвалось из него, и он опустился на мощёную улицу. В руках у него был ещё один Герой.

— Ты не торопился, — задыхался он, пытаюсь перевести дыхание. — Там было ещё двое, ты?..

— Они вернутся, — сказал я. Я не был настолько оптимистичен, чтобы думать иначе. Скифас кивнул и сплюнул кровь, вытирая рот с гримасой.

— Этот силен, — сказал он. "Этот" - как оказалось, был быстро приближающейся пневмой, от которой воняло кровью и невыполненными обещаниями. Похищенный Герой действительно хрюкнул, тряся руками. Ему в рот засунули комок влажной ткани, чтобы он не мог позвать на помощь, а вокруг его запястий несколько раз обмотали обманчиво тонкий металлический шнур. У него не было сил разорвать его. Скованный железом, его культивация была подавлена.

Скифас боролся со шнуром, бесплодно пытаюсь найти его ведущий край. Заложник хрипел от нарастающей паники по мере приближения окровавленной пневмы. Следуя инстинкту, я вытащил ржавый кинжал, который разбил мой меч, из складок моего культового одеяния и просунул его острие между запястьями Героя и металлическим шнуром. Он зашипел от боли, когда острие коснулось его кожи, но шнур разошёлся как шёлк, когда я потянул за него.

Герой тут же вытащил влажную ткань изо рта и выплюнул её вкус на землю, с отвращением скребя зубами по языку.

— Они застали меня врасплох, — сказал он хриловато, кивнув мне в знак благодарности. — Теперь им будет не так легко...

Прежде чем он успел закончить своё позёрство, из тени дальнего переулка выскочила третья Ворóна. В то же время, теневое намерение Ворóны, которого я избил до потери сознания, вместе с другой, незнакомой пневмой такой же интенсивности, взорвались из верхнего дома позади нас. Они снова проснулись и были готовы к бою.

Я указал пальцем на самого сильного из них.

Гравитас.

Камень затрещал и разлетелся в стороны от стен и улицы, но Ворóна уже отпрыгнул назад в тень, когда я сделал этот жест.

— Тогда покажи мне, — потребовал я. — Позаботьтесь о подчинённых. Я разберусь с этим. — Прежде чем я успел подумать о том, что делаю, я бросился вперёд, в темноту, навстречу самому сильному из троих. Позади меня Скифас и другой герой выкрикнули вызов и прыгнули

прямо вверх, встретив двух других похитителей в воздухе, когда они перепрыгивали через террасу.

Ржавые клинки столкнулись в темноте. Я не мог видеть моего врага, но я чувствовал их дыхание на моём лице. Я чувствовал, как руки их влияния хватают мои, отталкивают меня назад, отодвигают мой нож от их, чтобы они могли вонзить его мне в горло.

Я был так же полностью превзойдён, как и Грифон был против шрамованной Героини. Разница была лишь в том, что его не было здесь, чтобы вытащить меня из моего боя.

Поэтому я провоцировал их: «Ты не очень хорош в этом, а? Настоящего головореза никогда не увидишь, пока он сам того не захочет».

Вспышка движения теней заставила мои чувства вскрикнуть. Я присел, отводя наши скрещенные клинки в сторону. Невидимые ножи впились в стену там, где была моя голова. Намерение кинжала. С каждого из них капал яд, который мои глаза не могли видеть, который не имел телесной формы, но для моего чувства пневмы он был ясен как день. Яд, синтезированный их душой.

Мы обменялись шквалом ударов, которые я не смог бы отследить, даже если бы у меня был свет, чтобы видеть. Я действовал исключительно на инстинктах и других чувствах, рефлексах, вбитых в меня наставниками и войной, которые позволили мне блокировать или отразить большинство ударов. Я поймал удар в висок предплечьем и укусил большой палец, который пытался выдавить мне глаз. Я почувствовал, как треснул зуб, прежде чем лопнула кожа.

Кровь Героического культиватора была слишком горячей. Она буквально горела, и когда я выплюнул её, она загорелась в воздухе. Всего на мгновение я увидел силуэт культиватора, прежде чем она вскочила на стену ближайшего здания, мерзкий зелёный свет вспыхнул от пламени за её глазами. Её Героическая пневма поднялась.

Интуиция подсказывала мне, что я умру, если попытаюсь отступить. Не будет никакой перегруппировки с двумя другими. Здесь не было никого, кто мог бы помочь.

Но это было нормально. Безднадёжные бои были уделом легионеров, против врагов с превосходящими числами, вооружением и ростом. Этого всегда следовало ожидать, и это была большая удача, чтобы боги даровали тебе честный бой.

Всё это было просто работой.

Ядовито-зелёные глаза Воробы освятили аллею, и я наблюдал, как невозможность нагло начертили на реальности. Лезвия её намерения кинжалов, покрытые ядом её души, воплотились себя в реальность. Реальные и телесные. Они со свистом рассекали воздух, стремительно летя к моему горлу, а после них, словно пальцы из сжатого кулака, появлялись новые кинжалы кинжального намерения. Три стали двенадцатью, двенадцать стали сорока восемью, пока весь переулок не заполнился её намерением.

Я помахал моим ржавым ножом, зная, что этого будет недостаточно. Мне нужно было больше.

Так говорят в легионах.

Так говорят в легионах! Три тысячи мертвецов ревели в моих воспоминаниях.

— Что жизнь просто прекрасна. — Это прозвучало сквозь стиснутые зубы. Я отклонил первый из телесных кинжалов, самый быстрый из трёх.

Что жизнь просто прекрасна!

— Ты покидаешь свой дом ради славы. — Первый кинжал улетел по спирали вправо от меня, породив новые лезвия убийственных намерений. Каждый из них безошибочно повернулся в мою сторону, но в отличие от кинжалов, усиленных Героическим духом Ворóны, эти были восприимчивы к моему собственному влиянию. Моё новое Софическое чувство презрительно отбросило их.

Ты покидаешь свой дом ради славы!

Ещё два невероятно реальных кинжала отклонились под непредсказуемыми углами при приближении. Я не стал пытаться отразить их. Я знал, что у меня ничего не получится. И я знал, что буду выглядеть слабым в этой попытке. В таком месте, как это, в таком бою, как этот, с такими союзниками, как эти, выглядеть слабым было хуже, чем быть слабым. Я не мог не отразить их, и не мог быть порезан ими.

Или мог?

— К Цезарю тебя назначили! — я воскликнул в каденции, принимая на каждое плечо по плети отравленного намерения, когда два клинка пролетели мимо. Я отбросил в сторону десятки лезвий пневмы, которые последовали за ними, отклоняя их с пути ровно настолько, чтобы не быть порезанным.

К Цезарю тебя назначили!

Я застыл на месте. Яд, покрывающий оба клинка, в считанные секунды заполнил моё тело и потёк, как лава, по каналам моей трёхсторонней души. Сначала стало трудно дышать, коварный яд нацелился на моё жизненное дыхание. Без дыхания невозможно культивирование. А без культивации невозможно выжить после такого вторжения.

Затем мои мышцы свело, сжимаясь во внезапной агонии. Мои конечности отказывались двигаться, суставы скрежетали, как ржавые шарниры. Сквозь дымку ужасных ощущений я больше почувствовал, чем увидел Ворóну, пикирующую на меня, как её тёзка. Спускающеюся, чтобы убить.

— Так говорят в легионах, — я дышал.

ТАК ГОВОРЯТ В ЛЕГИОНАХ!

Гравитас обрушился на неё с неба. Ворóна каким-то образом оттолкнулась от самого воздуха, пламя сердца вспыхнуло, и ей удалось избежать основного удара. Он скользнул по её правому плечу и отправил её, в повороте, на землю прямо передо мной.

Если я мог петь каденцию, я мог дышать. Если я мог дышать, я мог культивировать. Если я мог культивировать, я мог маршировать.

И если я мог маршировать, я мог сражаться.

— Еда просто великолепна, — сообщил я культиватору, пытавшемуся лишить меня жизни.

— Что? — спросила она, сбита с толку.

ЕДА ПРОСТО ВЕЛИКОЛЕПНА!

— Ешь кожу, если голоден, — объяснил я. Она бросилась на меня с клинком в каждой руке, черные края лезвий сливались с тенями, отбрасываемыми её глазами. Она атаковала в лоб, с уверенностью человека, который знает, что его цель не может пошевелиться, чтобы остановить их. Я парировал её падение, но я всё ещё не мог пошевелиться. Моя жёсткая поза говорила сама за себя. Вероятно, она могла чувствовать, как её яд двигается сквозь моё тело и душу. Парализуя меня полностью.

ЕШЬ КОЖУ, ЕСЛИ ГОЛОДЕН!

К сожалению, она не учла одну вещь.

— Пей яд, как вино! — резко сказал я и ударил её апперкотом.

Что-то столь банальное, как смертельный яд, не было оправданием для легионера прекратить маршировать.

ПЕЙ ЯД, КАК ВИНО!

Дыхание вырвалось из неё от силы удара. Нанесённый в каденции, он ударил её сильнее, чем всё, что я мог бы сделать в обычных условиях. Она выгнулась дугой над моим кулаком, на мгновение зависнув в воздухе. Я заставил своё тело двигаться снова, прежде чем она успела прийти в себя. Я вытянул другую руку и схватил её за шею.

— Так говорят в легионах! — крикнул я, ударив её о камень.

ТАК ГОВОРЯТ В ЛЕГИОНАХ!

— Зарплата отличная, это здорово! — Я ударил её ногой о стену, почувствовав треск, который был либо моей ногой, либо её сломанными рёбрами. Может быть, и тем, и другим.

ЗАРПЛАТА ОТЛИЧНАЯ, ЭТО ЗДОРОВО!

— За каждую полученную монету!

Похитительница, превратившаяся в убийцу, пришла в себя быстрее, чем мне бы хотелось, упёрлась руками в землю и сделала сальто назад, в результате чего нога в тапке оказалась на волосок от того, чтобы сбить мою голову с плеч.

ЗА КАЖДУЮ ПОЛУЧЕННУЮ МОНЕТУ!

Она крутанулась в воздухе и жёсткой рукой выбила нож из моей хватки. В ответ я поймал её за лодыжку и со всей оставшейся силой своего отравленного тела, добродетели капитана и собственного яростного влияния впечатал её в стену.

В каденции.

— Капитан получает восемь!

Во второй раз за последние минуты я швырнул Героического культиватора сквозь здание.

КАПИТАН ПОЛУЧАЕТ ВОСЕМЬ!

Восемь отравленных кинжалов упали на камень у моих ног, вытряхнутые из складок её одежды. Сквозь дыру в стене я услышал тихое пыхтение, звук надувшейся женщины. Совершенно непропорционально этой реакции я почувствовал, как тошнотворная волна ядовитой пневмы поднялась вверх и вырвалась из-под обломков. Она устремилась ко мне, хватающая и пожирающая. Одно это ощущение жгло кожу как кислота. Если бы она коснулась меня напрямую, я бы умер через несколько секунд.

Свет и тепло распустились позади меня, как лепестки цветка, полностью осветив переулок. Короткие волосы на моих руках и затылке зашипели и закрутились, горя. Скручивающиеся струйки пламени пронесли над моей головой, столкнулись с волной ядовитой пневмы и взорвались в ядовитом облаке пара, от которого слезились глаза и перехватывало дух.

Воробы уже не было, когда всё рассеялось. Я повернулся – каждый мускул моего тела протестовал против этого движения – чтобы поприветствовать Олимпийского атлета, идущего позади меня. Я не позволил боли показаться. Капитан никогда не позволяет.

— Значит, это всё-таки был волк.

В её глазах был смех, а в руке – метательное копьё. Она была одета в прекрасно сотканную тунику-платье ещё одного культа тайн, на этот раз цвета чистого оникса, которого я никогда раньше не видел. Она бесшумно подошла ко мне на обутых в тапочки ногах, и её влияние прошло по мне как ласкающие кончики пальцев. Осторожно, но пытливо. Наконец они остановились на каждом из моих плеч, там, где меня порезали отравленные кинжалы. Прикосновение культиватора было лёгким как пёрышко, но всё же ощущалось как нестерпимая пытка на ранах.

— Прости, что не пришла раньше, — сказала она, с поддельным сожалением и неприкрытым интересом. Она рассеянно вертела окровавленный дротик. — Я слышала твой вой, но в тот момент у меня были заняты руки. Что ты хотел мне сказать?

Я был слишком отравлен для этого.

— Меня зовут Солус, — сказал я ей. — Я охочусь на Воробя. — Героиня наклонила голову, полуночный хвост при этом упал набок.

— Конечно, охотишься, — сказала она, и на её губах заиграла медленная улыбка. — Тогда стоит ли мне присоединиться к тебе?

На противоположном конце переулочка раздался шум и движение: Скифас и другой Герой

бросились на мою защиту. Скифас остановился, увидев нас, а затем увидел дыру размером с Ворóну в здании рядом с нами. Я наблюдал в реальном времени, как растёт его оценка меня. Замечательно.

— Сол, — наконец сказал Скифас, глядя между мной и Героиней с плохо скрываемой тревогой.
— Она...

— Товарищ охотник, — сказала она, радуясь его недовольному взгляду. — Похоже, вы двое в хорошей форме. Тем не менее, хотите, что бы я вас осмотрела? Просто чтобы убедиться.

— Абсолютно нет, — без колебаний ответил похищенный Герой. Скифас только покачал головой, слабо побледнев в свете собственного пламени сердца.

— Если ты так уверен. — Героиня прекратила обращать на них внимание и с нетерпением повернулась ко мне. К моему ужасу, Скифас и его спасённый товарищ последовали её примеру. Три культиватора, каждый из которых был достаточно силен, чтобы стереть меня с лица земли, смотрели на меня в поисках сигнала. Знакомая тяжесть опустилась на мои больные плечи.

Моё тело болело так сильно, что мне хотелось умереть. Каждый раз, когда я говорил, и кровь не выходила вместо слов, я удивлялся. Больше всего на свете в этот момент мне хотелось бурдюк воды, сытный ужин и тёмную комнату с мягкой постелью. Если бы мне повезло, я получил бы воду.

Но это было нормально. В каждой лжи была доля правды. Может быть, раньше я и не охотился на Ворóн, но какая-то часть меня теперь не возражала против этой мысли. Эти трое, по крайней мере, были похитителями и убийцами. Их трёхсторонние души были навечно осквернены пятнами их работы. Если остальные из их рода были такими же? Что ж, я могу потерпеть ещё несколько часов яда и теневых преследований.

В конце концов, всё необходимое было у меня перед глазами.

Каждый офицер знал, что единственное лекарство для больного солдата - это больше марша.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3220126>